

ДВ 97 с3648919
О-506

А.П. ОКЛАДНИКОВ

Избранные труды

**ДАЛЕКОЕ
ПРОШЛОЕ
АЗИИ**

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF RUSSIAN FEDERATION

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

SIBERIAN BRANCH

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

A.P. Okladnikov

Selected Writings

ASIA IN THE REMOTE PAST

Compiler

Doctor of Historical Sciences *V.E. Medvedev*

Novosibirsk

IAET SB RAS Publishing

2019

08 24
0-506

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

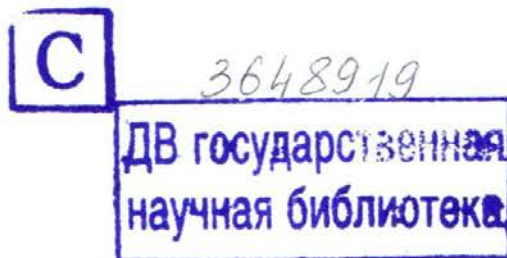
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

А.П. Окладников

Избранные труды

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ АЗИИ

Составитель
доктор исторических наук *В.Е. Медведев*

Новосибирск
Издательство ИАЭТ СО РАН
2019

9 К вопросу о первоначальном заселении человеком советского Дальнего Востока и находка ашельского рубила в районе с. Богородского Ульчского района Хабаровского края

[Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 6–20]

Проблема первоначального заселения человеком советского Дальнего Востока давно уже интересует исследователей. Существо ее сводится к вопросу о палеолите Дальнего Востока – Приморья и Приамурья. Первым и самым замечательным памятником в этом отношении следует считать местонахождение Осиновка на речке того же названия вблизи с. Осиновка, в 40 км от г. Уссурийска¹.

Обнаруженные здесь изделия, связанные, как отмечалось нами ранее, с «красноцветной» глиной, перекрытой светло-желтыми лессовидными отложениями, оказались настолько архаичными и необычными по своему оформлению, что не было сомнения в их древнем возрасте. Из-за необходимой осторожности их пришлось ориентировочно датировать верхним палеолитом, поскольку в соседних районах Дальнего Востока, а также в Центральной, Средней, Восточной и Северной Азии ничего подобного не было известно: речь идет о нуклевидных рубящих орудиях, о своеобразных «проторубилах» Осиновки.

Тогда же, в 50-х гг., серию местонахождений подобных изделий мы обнаружили в том же Южном Приморье, хотя и не столь обильных материалом. Выше в стратиграфическом разрезе Осиновки залегают, возможно, мезолитические культурные остатки. Еще выше – ясно выраженный неолитический комплекс с керамикой. Еще выше, уже в гумусированном суглинке под дерном, выявлены остатки землянки железного века с характерной керамикой.

В дальнейшем на месте наших раскопок побывала В.В. Никольская и дала более полную характеристику Осиновского разреза. В ее статье приведены также данные пыльцевого анализа, позволившие проследить изменения климатических условий в ходе отложения культурных слоев. Она отмечала: «Верхним палеолитом А.П. Окладников датирует горизонт темно-бурых средних суглинков с обильной щебенкой гранитов, с железистыми затеками и мелкими конкрециями. Пыльцевой спектр из этого горизонта свидетельствует о наличии в те времена лесных ланд-

¹ Первая обобщающая сводка о палеолите Дальнего Востока дана в монографии автора «Далекое прошлое Приморья» (Владивосток, 1959). Эта книга переиздана была Арктическим институтом Северной Америки: *Okladnikov A.P. The Soviet Far East in Antiquity. An Archaeological and Historical Study of the Maritime Region of the U.S.S.R.* University of Toronto Press. Canada, 1965. Материал ее затем был целиком включен в монографию: *Окладников А.П. Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья.* Владивосток, 1973. Последнее издание, как видно из его названия, расширено материалами по Приамурью.

В дальнейшем изложении настоящей статьи материалы по палеолиту Дальнего Востока, собранные до 1973 г., приводятся на основе этой работы без специальных ссылок.

шафтов на берегу Осиновки, причем наряду с преобладающей березой в лесах встречались и широколиственные породы (дуб монгольский и липа амурская). В травяном покрове господствовали злаки и разнотравье с обилием зонтичных. Ксерофитов было меньше, чем в вышележащих горизонтах, и можно сделать вывод о более мягких и влажных климатических условиях этого времени»¹.

Далее В.В. Никольская пишет: «Самые низы разреза, представленные оглиненным щебнем мощностью 50–52 см, рисуют картину иных ландшафтных условий господства суровой континентальной лесостепи. Лесная составляющая лесостепи представлена белоберезовыми и ольховыми колками: единичные зерна пыльцы сосны и ели, по-видимому, заносные с прилежащих гор. В травяном покрове преобладали степные виды полыни и лебедовые. О сильной засушливости условий свидетельствует незначительная роль злаков и разнотравья»². Она указывает, что этот горизонт сопоставим с описанным ею ранее горизонтом в разрезе у ст. Вяземская, в котором были найдены кости слона, по определению В.И. Громова, – трогонтериевого слона. Вяземская находка костей трогонтериевого слона, по данным В.В. Никольской, датируется «среднечетвертичным временем»³. Это было время «максимума четвертичной регрессии моря и оледенения гор Дальнего Востока»⁴.

Если переводить эту датировку Вяземской фаунистической находки на язык альпийской европейской глициальной схемы Пенка – Брюкнера, то следует соотносить ее, и соответственно нижний слой осиновского разреза, щебнистый, с максимальным, т.е. рисским, оледенением. Время же отложения темно-бурых средних суглинков с обильной щебенкой гранитов, с железистыми затеками и мелкими конкрециями совпадает с временем ресс-вюрмского межледниковья. В археологическом плане это будет, по нормам западноевропейских современных классификаций, конец ашеля – раннее мустье. Что касается абсолютной хронологии, то приведенные здесь геологические сведения позволяют уточнить прежние представления о возрасте находок в нижнем культурном горизонте Осиновки. Если они могут быть отнесены ко времени, когда существовал трогонтериевый слой, и непосредственно к следующему геохронологическому этапу (в пределах не позднее 40–50 тыс. лет тому назад), то, по общепринятым взглядам на хронологию палеолитических культур, при всем морфологическом своеобразии осиновских изделий следует считать, что перед нами памятник не верхнего, а среднего палеолита, т.е. ашельско-мустьерский по возрасту.

Второй и столь же своеобразный памятник эпохи палеолита на юге Дальнего Востока – пещера Географического общества в долине р. Партизанской, вблизи г. Находки. Она обнаружена Е.Г. Лешоком и тщательно исследована

¹ Никольская В.В. Палеогеографические данные о природных условиях древних поселений человека на террасе р. Осиновки (Приморский край). – В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 60–62.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Н.Д. Оводовым, в то время аспирантом профессора Н.Г. Верещагина, под руководством последнего и при участии автора этой статьи. Пещера замечательна тем, что в отличие от Осиновки в ней сохранился комплекс весьма интересных фаунистических остатков плейстоценового возраста. Каменные изделия, датированные плейстоценовой фауной, были нами изучены. Они представлены нуклеусом-галькой и серией массивных отщепов. Отщепы имеют одну характерную особенность. Материалом для них служили довольно крупные овальные гальки, которые рассекались последовательно, ударами, направленными поперек их длинной оси, сверху вниз. Удары делались таким образом, что у отщепов сохранялась вверху и внизу широкая полоса нетронутой галечной корки. В результате получалась как бы булка, разрезанная ножом на отдельные ломти. Эта специфическая техника получения каменных «ломтей» с двумя параллельными широкими плоскостями и галечной коркой на месте удара известна и в других местах на палеолитических памятниках. Примером может служить серия таких отщепов из комплекса каменных изделий, обнаруженных в «кладе» палеолитического мастера у селения Аил на р. Кондоме в Горной Шории.

Особо следует отметить наличие штанги рога лося (по определению Н.К. Верещагина), обрезанной каменным орудием. Эта штанга – основание рога лося. В ее дистальной части рукой человека выдолблена глубокая канавка-паз, куда и помещался каменный клинок, своего рода прототип каменного топора.

В целом же, как и в Осиновке, каменные изделия из пещеры в районе Находки не имеют точных аналогий в палеолитических памятниках соседних областей – Кореи, Японии, Китая.

Если местонахождения осиновского типа эпохи палеолита и находки в пещере Географического общества обнаруживают черты такого своеобразия, что по характеру техники обработки камня и по типам каменных орудий их трудно сопоставить с какими-либо иными палеолитическими культурами как Востока, так и Запада, то существенно иная в общем картина раскрывается новейшими археологическими исследованиями в бассейне р. Амур. Обнаруженные здесь находки, бесспорно, палеолитические по возрасту, вызывают различные, как относительно близкие, так и более далекие, аналогии, свидетельствующие об определенном сходстве в развитии палеолитической культуры, о значительном сходстве в эволюции техники и типов каменного инвентаря.

Широкую известность получили найденные в 1961 г. в долине р. Зеи, около пос. Филимошки, каменные изделия. Поселок этот находится вблизи устья небольшой речки, впадающей справа в Зею. Кругом расстилаются мари, болотистые низины с моховищами и редким чахлым лесом из лиственниц и карликовых берез. Расположен он на двух террасовидных уступах левого берега Зеи. Нижний уступ возвышается над руслом реки на 15 м. Сверху он сложен желтоватыми слоистыми супесями. В обнажении берега залегают прослойки валунов и хорошо окатанного галечника. Среди галек много сланцевых и кварцевых, встречаются гальки изверженных пород.

Высокая степень окатанности и правильная форма галек свидетельствуют о том, что галечник имеет древнеаллювиальное происхождение и связан с де-

тельностью какого-то мощного потока, скорее всего какой-то древней реки. Глубже, непосредственно под галечником, залегают толщи коренной породы, желтовато-серого песчаника с прослойками каменного угля.

Верхний террасовидный уступ на 10 м выше нижнего. Он сложен тонкослоистыми светло-желтыми песками, напоминающими дюнные или озерные. В нем местами прослеживаются оранжево-желтые прослойки песка мощностью до 10–15 см. Лучше всего они выражены на глубине 1–1,5 м от поверхности почвы, но встречаются и выше.

При обследовании верхней террасы на ней в двух местах, на северной окраине поселка и южной, обнаружены следы деятельности человека, выделявавшего каменные орудия неолитического, а может быть, и несколько более раннего – мезолитического типа. В большинстве они представляют собой заготовки орудий. Среди них оказался один гобийский нуклеус, или нуклеус-скребок сибирского типа.

Самые интересные находки зарегистрированы в галечнике нижней террасы, непосредственно над песчаником с прослойками каменного угля. В толще галечника обнаружены явно намеренно расколотые и оббитые человеком гальки. Оббитые гальки концентрировались на одном сравнительно небольшом участке вдоль берега протяженностью около 20 м. По характеру обработки они могут быть разделены на три основные группы.

В первую группу входят гальки, обработанные наиболее простым способом и с наибольшей экономией усилий, затраченных на их оформление в качестве «артефактов». Это три кварцевые относительно плоские гальки, у которых на одном конце сбоку имеется выемка характерной желобчато-вогнутой формы. Выемка образована одним или, скорее, несколькими ударами, направленными поперек и довольно круто. Удары наносились только с одной стороны гальки (без каких-либо попыток подготовить ударную площадку) прямо по гладкой галечной поверхности обрабатываемого древним человеком камня.

Ко второй группе относятся обработанные гальки, на которых видны результаты более усердной, целеустремленной работы, с затратой больших усилий. Среди них выделяются примитивные орудия с выемчатыми лезвиями и «носи́ком», т.е. с грубо намеченным острием на одном конце.

Древние каменные изделия были собраны в 1957 г. на Верхнем Амуре в районе с. Кумары Э.В. Шавкуновым, который передал нам серию таких предметов явно палеолитического облика. Эти орудия найдены на поверхности бичевника в размытом древнем галечнике. Его перекрывает 10–15-метровая толща суглинков и супесей. Рыхлые толщи, постепенно поднимаясь, подходят к скалистым сопкам, которые тянутся цепью в 200–300 м над современной долиной Амура. В отдельных местах скалы нависают над водой, обрываясь крутыми уступами.

В 1968 г. работы в с. Кумары были продолжены А.П. Деревянко и Б.С. Сапуновым. Раскопки и тщательный осмотр береговой террасы позволили выявить в районе села несколько культурных горизонтов: эпоха палеолита, мезолита, неолита.

Наиболее интересны палеолитические местонахождения. Первые два пункта расположены ниже села по течению Амура, остальные четыре – выше.

На первом местонахождении обнаружено несколько десятков каменных изделий. Орудия труда представлены тремя видами – чопперами, чоппингами и орудиями с остриями-«носиками». Найдено также несколько бесформенных галек, с которых скалывали грубые отщепы.

Чопперы изготовлены из массивных галек мелкозернистого гранита и темных вулканических пород. Длина отдельных экземпляров достигает 20 см, ширина рабочего лезвия 15 см. Один конец галек затесывался несколькими грубыми ударами с одной стороны. Остальная часть орудия сохраняет желвачную корку. Сколы крутые, у отдельных изделий удар наносился под прямым углом к продольной оси гальки. Чоппинги отделаны более тщательно: рабочее лезвие у них затесывалось с двух сторон. Но так же, как и у чопперов, большая часть орудия сохраняет желвачную корку.

К остриям с «носиком» можно отнести только два экземпляра, изготовленных из галек мелкозернистого гранита. С одной стороны лезвие у них отделано крутыми сколами так, что в середине поднимается хорошо выраженное острие-«носик». Имеется орудие, у которого частично обработан и противоположный рабочему лезвию конец. Нуклеусы представлены кубовидными вариантами и желваками, с которых скалывали грубые отщепы. О древности этих орудий труда свидетельствуют не только форма и примитивность обработки, но и глубокая патина, выветрелость. У некоторых экземпляров поверхность сколов покрыта такой глубокой патиной, что, по существу, не отличается по цвету от галечной корки.

В целом находки местонахождения Кумары I, как и в Филимошках, относятся к галечной индустрии.

Неподалеку от первого местонахождения в Кумарах собраны изделия, отличающиеся от находок в пункте I как материалом, так и формами (Кумары II).

Среди этих орудий труда имеются рубящие инструменты типа чопперов и чоппингов, но основную часть находок составляют грубые отщепы и массивные пластины. Нуклеусы представлены двумя вариантами. К первому относятся крупные гальки, у которых с одного конца снимали отщепы. Часто у таких нуклеусов нет никакой подправки с ударной площадки. Отщепы отбивали, видимо, без всякой системы. Второй вариант представлен нуклеусами с хорошо выраженной, специально подработанной ударной площадкой. Они изготовлены из галек, один конец которых несколькими широкими поперечными сколами скошен так, что образовалась острая вершина. Она и являлась ударной площадкой нуклеуса. Сколы, подготавливающие ударную площадку, наносились с одной стороны. С противоположной стороны, образующей с ударной площадкой острый угол, снимали пластины. На рабочей грани видны фасетки от снятия нескольких пластин довольно правильной огранки. Вся поверхность нуклеуса, за исключением площадок и рабочей грани, с которой снимали пластины, сохраняет желвачную корку. По типу эти нуклеусы можно отнести к леваллуазским, от классических форм которых их отличает то, что противоположная рабочая сторона подтесывалась не по всей поверхности. Она лишь имеет подправку со стороны опорной и ударной площадок.

В коллекции каменных орудий из Кумар есть, кроме того, два грубых скребла. Первое скребло подтреугольных очертаний. С одной стороны оно почти по всей поверхности обработано сколами. Сколы широкие, массивные и только по широкому рабочему лезвию несколько уже. Противоположная сторона скребла обработана сколами в основном по краям, с трех концов. Сколы тоже массивные, и только рабочее лезвие имеет дополнительную подправку. Рукоять скребла сохраняет желвачную корку, его длина 17, ширина 9,5 см. Второе скребло изготовлено из удлиненной гальки. Рабочее лезвие овальной формы. Оно оформлено широкими сколами с двух сторон. Рукоять скребла также с желвачной коркой. Длина его 16,5, ширина 6,6 см.

Еще одно местонахождение этого рода выявлено в 1963 г. в окрестностях г. Благовещенска, где на высокой второй надпойменной террасе в русле небольшого овражка в слое галечника были обнаружены несколько расколотых галек, один нуклеус и одно орудие типа скребла или скобеля.

Третье местонахождение расположено также вблизи Благовещенска, у Бородинского озера, где в карьере в слое древнего аллювия найден нуклеус типа леваллуа.

Нуклеус с Бородинского озера имеет прямоугольную форму. Тыльная сторона плоская, с трех концов очищена от желвачной корки и уплощена мелкими грубыми сколами. Рабочая сторона также плоская. На ней видны следы снятия двух пластин от края к центру. Еще один леваллуазский нуклеус найден в с. Тамбовка. В том же районе поднят на высокой древней террасе р. Зеи довольно крупный плоский клинок лавролистных очертаний. Он изготовлен из желтовато-белого кварцита. Обе стороны его обработаны широкими плоскими сколами. Поверхность изделия настолько сильно патинирована, а характер оформления широких поверхностей так резко отличается от неолитических клинков, что не остается сомнения в его глубокой древности.

Таким образом, на Среднем и Верхнем Амуре ориентировочно отчетливо выделяются три палеолитических комплекса. Первый – галечной культуры, возраст которой кажется очень древним, скорее всего нижнепалеолитическим. Второй – леваллуазский, с характерными ядрищами, где налицо следующие признаки: а) скалывание широких и длинных пластин с одной стороны нуклеуса; б) наличие скошенной по отношению к плоскости скалывания ударной площадки; в) поскольку клинок из окрестностей Тамбовки имеет палеолитический облик, его по морфологическим признакам и патине, несмотря на единичность находки, можно отнести ко времени, когда здесь существовала традиция бифасов, восходящая, может быть, в своих истоках к ашельскому времени.

Особо хотелось бы отметить еще одну находку, новейшую, которая с еще большим правом должна быть отнесена к этой традиции и, несмотря на ее единичность и подъемный характер, имеет фундаментальное значение для понимания амурского палеолита.

История этой находки такова. В сентябре 1977 г. группа участников Североазиатской археологической экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР в составе А.П. Окладникова,

В.Е. Медведева, А.К. Конопацкого произвела разведочные работы на Нижнем Амуре между пос. Мариинском и с. Богородским, районным центром Ульчского района Хабаровского края.

Село Богородское, одно из старейших на Нижнем Амуре, расположено в основной своей части на высокой террасе правого берега р. Амур, у входа в оз. Богородское. Над ним возвышается базальтовый массив, покрытый лесом. Далее, вниз по Амуру, на правом берегу последнего видна островершинная высокая сопка, тоже сложенная базальтом.

Первоначально был обследован участок правого берега вверх от дебаркадера по направлению к протоке и мосту через нее. Здесь в ряде мест в обрывах низкой береговой террасы высотой около 4–5 м над уровнем Амура встречены отщепы из черной изверженной породы, судя по характеру поверхности – неолитические.

Второй пункт с находками обработанного камня и керамикой (вероятно, неолитической) зарегистрирован при подъеме в северную часть поселка, расположенную на высокой древней террасе.

Еще один пункт с древними находками зафиксирован в районе кладбища. Здесь между могилами и на краю высокой террасы имеются отчетливо выраженные углубления-западины древних жилищ. В том числе довольно крупных, диаметром около 10 м.

На самом краю террасы в осыпавшемся крае жилой древней западины собран типично неолитический материал: отщепы из разноцветного кремня, обломок «горбатого», т.е. односторонне-выпуклого шлифованного тесла, ретушированный

с двух сторон кремневый наконечник стрелы с асимметричным жальцем, два фрагмента типично неолитической керамики.

Неподалеку на бичевнике непосредственно у подножия вертикального обнажения высокой террасы 7 сентября 1977 г. поднято было ашельское по технике изготовления и форме рубило (рис. 1). Рядом находился: один пластинчатый отщеп из той же изверженной породы. Нет сомнения в том, что эти вещи выпали из обнажения.

Что касается конкретной геологической ситуации в Богородском, с которой связана эта находка, то с просьбой высказаться по этому поводу мы обратились к Э.Н. Сохиной, которая занимается изучением четвертичных отложений и геоморфологии Нижнего Амура.

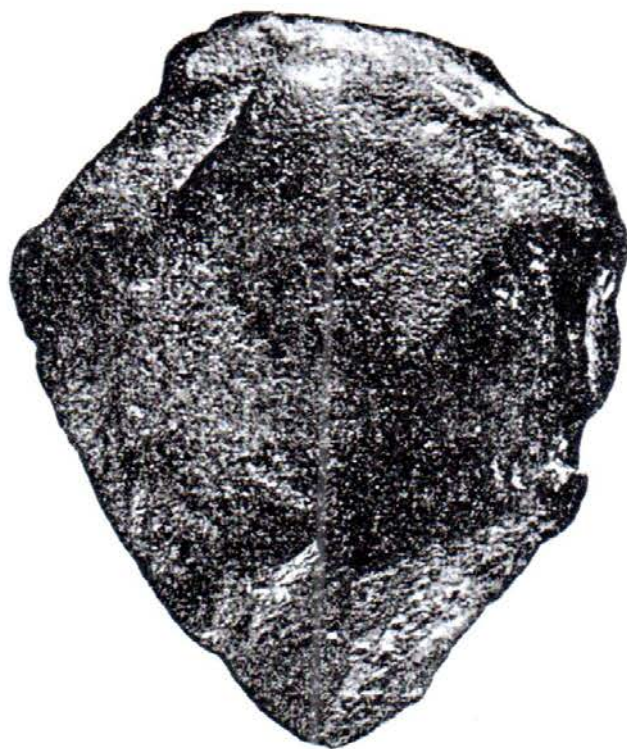

Рис. 1. Рубило ашельского типа из с. Богородского, Нижний Амур.

Вот выдержка из ее письма, где она исчерпывающим образом ответила на наши вопросы:

«...Находка, действительно, очень интересная. Разрез отлично помню, и он описан в нашей с Вами монографии. И то, что Вы предполагаете, действительно совпадает с независимым нашим датированием разреза, а ниточка тянется и к террасе Сучу. Это та же самая терраса, т.е. есть все основания предполагать, что и на острове в это же время мог обитать человек. Результаты анализа разреза со спорово-пыльцевой диаграммой изложены в монографии, переданной в редакцию... Потому ниже привожу выписку из нее.

Богородская, группа разрезов. В районе с. Богородского перед Чаятынским пережимом хорошо сохранилась серия террас. Самая высокая 18–20 м (10 м песков и еще до уреза Амура 7–8 м).

В разрезе обнажаются:

1. Песок тонкозернистый светло-бурый, переслаивается с серой супесью. Мощность прослоев 3–5 см. Текстура выдержанная, монотонная, горизонтальные прослои и линзы грубозернистого песка с пологоволнистой и пологой косой разнонаправленной текстурой. Слоистость подчеркнута как изменением состава, так и неравномерной лимонитизацией и степенью выветривания. Пронизан вертикальными трещинами, выполненными тонким серым песком. Отдельные трещины близки к клиновидным (типа криотурбаций). Стенки трещин ожелезнены (0–3 м).

2. Песок тонко- и мелкозернистый серый с бледно-охристыми прослоями и разводами, текстура монотонная горизонтальная, пологоволнистая выдержанная. Переход резкий (3–11,5 м) (в основании этой толщи и залегает линза глины, которую Вы видели, моя расчистка прошла несколько выше по оврагу).

3. Галька средняя и крупная с отдельными валунами (порфириты, граниты, песчаники), породы заметно выветрены, окутаны тонкой пленкой гидроокислов. Залегали сериями (30–50 см) с общим наклоном от Амура (3–5°). В сериях заметна косая пологая (8–9°) слоистость. В кровле грубозернистый песок.

Такие характерные признаки вскрытых песков, как тонкий состав, пылеватость, монотонная тонкая, прекрасно выдержанная горизонтальная слоистость песков (0–10 м), позволяют отнести их к отложениям лимноводных фаций в зоне подпора перед сужением долины, возможно, при участии дельты одной из амурских проток или притоков. Такие фации представляли собой мелководные озера, тесно связанные обычно с Амуром короткими протоками, но все-таки расположенные в «тени» от воздействия его главного русла, за утесами и выступами коренных склонов долины или отдельных останцев коренных выходов (Сучу), или в приустьевых расширениях долин амурских притоков (как сейчас расположены села Аури, Вознесенка и многие другие).

Косослоистые галечники, подстилающие пески, представляют собою русловые образования или крупных амурских проток, или, скорее всего, амурских притоков. Последние при понижении базиса эрозии впадали непосредственно в главное русло.

Текстурно-структурные признаки песчаной толщи удивительно напоминают таковые же в разрезе Сучу. Об этом же свидетельствует и минералогический состав. Он очень однороден: большой процент роговой обманки (60 %), эпидота (15–24 %), пироксена, малая встречаемость акцессорных и рудных минералов обуславливают низкие значения КУ и КГ (0,1–0,2), несколько увеличивавшиеся в русловых галечниках. Все это делает разрез еще более похожим на пески о-ва Сучу и района с. Троицкого.

В связи со сходством пыльцевых спектров, полученных в разрезе одновысотной террасы на о-ве Сучу, отметим лишь фазы в развитии растительного покрова. Первая – фаза мелколиственных лесов и кустарников в долине Амура, хвойных лесов на склонах гор с участием дуба монгольского и лещины (соответствует первой фазе разреза Сучу). (Видимо, с этой довольно прохладной эпохой совпала Ваша находка, фазы идут снизу вверх, эта фаза охватывает основание песков.) Вторая – фаза хвойных и березово-широколиственных лесов (близка второй фазе разреза Сучу). Третья – фаза хвойных пихтово-еловых и кедровых лесов с примесью широколиственных пород и берез. В середине фазы увеличивается площадь кустарниковых зарослей и сфагновых болот, а в конце фазы возрастает роль мелколиственных пород. По-видимому, последняя фаза соответствует третьей фазе разреза Сучу, а четвертая фаза лиственнично-березовых редколесий и марей – пятой фазе Сучу.

В общем, судя по спорово-пыльцевым спектрам, в основании *обоих разрезов* отражено заметное похолодание, возможно, уже окончание его; большая часть песков содержит явно «теплые» спектры, а верхняя – явно «холодные».

Эти террасы геологи ДВТГУ И.И. Берсенев и другие (1962) ранее относили к среднему плейстоцену. Наши данные подтвердили эти положения. Основанием для отнесения толщ к среднему плейстоцену послужили их геоморфологические положения: выше фаунистически охарактеризованных позднеплейстоценовых осадков низких террас (Николаева, 1959) и ниже террас, в горизонтах которых найдены спорово-пыльцевые зерна реликтовых теплолюбивых растений.

В северо-восточной части Средне-Амурской впадины (с. Троицкое) для времени формирования этой террасы, для среднего плейстоцена, характерны четыре фазы развития растительности: фаза кедрово-широколиственных лесов с участием берез; фаза пихтово-еловых лесов, кустарниковых зарослей, марей и логов с березово-широколиственными лесами на равнинах; фаза березовых редколесий с примесью широколиственных и хвойных пород; фаза лесотундры.

В южной части Удыль-Кизинской впадины (разрез Сучу) времени формирования аллювия третьей террасы соответствует пять фаз развития растительности, из которых три нижние сопоставимы с двумя фазами у с. Троицкого, относящимися к теплой эпохе среднего плейстоцена, а две верхние аналогичны двум верхним у с. Троицкого – холодной эпохе среднего плейстоцена. Такие же результаты получены для третьих надпойменных террас у сел Богородское и Большемихайловское.

Резюмируем коротко. Все четыре разреза Троицкого, Сучу, *Богородского*, *Большемихайловского* построены однотипно, относятся к среднему плейсто-

цену. Нижняя часть разреза более теплая – первая половина среднего плейстоцена; верхняя часть разреза более холодная – вторая половина среднего плейстоцена. В верхней части толщи Богородского разреза отмечались даже криотурбации. Граница проходит как раз где-то в районе 10 м от поверхности, по кровле линзы старичных глин. (Линзы глин – это старичные глины, обогащенные органикой с высокой степенью насыщенности поглощенными катионами с характерными трубчатыми лепешковидными образованиями.) Эти линзы глин у нас не свидетельствуют о принадлежности к ледниковым отложениям. Просто погребенная старичная фация Амура может иметь любой возраст. Сейчас, по-моему, все же трудно определить – из какой части разреза выпало рубило. Но то, что это средний плейстоцен, и наши данные подтверждают. Надо бы покопаться там.

Вот все, что я могу сообщить по этой находке. 15 октября 1977 г. Хабаровск. Э. Сохина».

Материал, из которого изготовлено орудие, – изверженная порода черного цвета. Плотная и тяжелая. Орудие массивное. Очертания его в плане сердцевидные. Широкий верхний конец представляет собой рукоять изделия, его «пятку». Она подправлена относительно короткими фасетками сколов с обеих сторон. Обе широкие поверхности изделия оформлены сколами, направленными от краев к середине.

В поперечном и продольном сечении орудие симметрично-выпуклое. Края его характерно извилистые, оформлены короткими фасетками поперечных сколов, нанесенных с двух сторон. Вся поверхность изделия глубоко патинирована, матовая. На одной широкой стороне изделия, несмотря на глубокую патину, угадываются остатки первоначальной галечной корки. Длина изделия 10, ширина 8 см (рис. 2).

Как видно из этого описания, найденное в Богородском орудие представляет собой по форме и технике изготовления классическое рубило, превосходный образец абbevилиенской техники. В известной типологической классификации древнего и среднего палеолита Фр. Борда, согласно табл. 9, среди сердцевид-

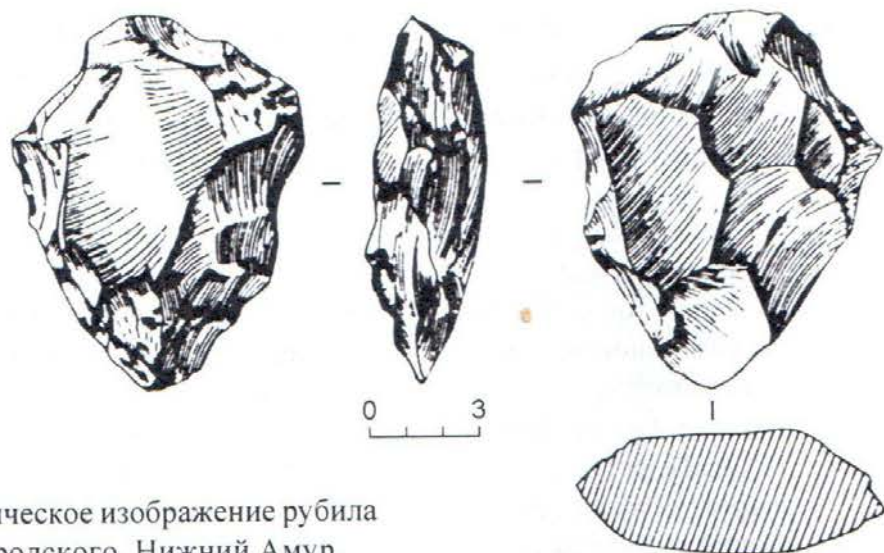

Рис. 2. Графическое изображение рубила из с. Богородского, Нижний Амур.

ных рубил (*bifaces cordiformes*) богородскому рубилу полностью соответствуют № 8–11, овальные (*ovulaires*), особенно № 8, 9, 11¹.

Характер материала, из которого сделано богородское рубило, наложил на него свой отпечаток. Изданные Фр. Бордом рубила изготовлены из кремня, материала более пластичного и удобного для обработки, чем эта изверженная порода. Оно выглядит соответственно грубее и архаичнее, чем кремневые рубила сердцевидной формы из Франции. Но тем важнее полное совпадение их форм и техники изготовления. У древнего мастера с Нижнего Амура и мастеров Западной Европы были одинаковые цели и принципиально те же общие эталоны, которым они следовали в своем техническом творчестве.

В этой связи представляет интерес вопрос о наличии бифасов такого рода – аббевилиенско-ашельского типа – и в соседних с Приамурьем областях Азиатского материка. Проблема эта была остро поставлена С.Н. Замятниным² в работе о локальных различиях палеолита, а до него – Х. Мовиусом³.

Х. Мовиус, как известно, выдвинул гипотезу о двух локальных, а вместе с тем и трансконтинентальных культурах эпохи палеолита на Азиатском материке. Он писал о двух культурах эпохи палеолита, охватывающих огромные территории. Первая – галечная культура, для которой характерны галечные инструменты с односторонней (чопперы) и двусторонней (чоппинги) обработкой края, а также грубые отщепы, близкие к клектонским, и столь же грубые нуклеусы из галек. Вторая – нижнепалеолитическая культура с бифасами, с ручными рубилами европейско-африканского типа, с развитой леваллуазской техникой расщепления камня. Галечная культура, по мысли Х. Мовиуса, охватывала в палеолите северную часть Индостанского субконтинента и распространялась далее в Восточную Азию, т.е. в Индокитай и Китай. Логически следовало полагать, что эта культура в такой же степени была распространена в Центральной Азии, а также в Северной Азии.

С.Н. Замятнин, противопоставляя взглядам Х. Мовиуса свою точку зрения, отмечал, что находки ручных рубил в Китае не дают оснований для гипотезы о существовании в нижнем палеолите этих двух локальных культур, различных путей развития палеолитических культур: с одной стороны, европейско-африканской, с другой – глубинноазиатской.

С тех пор, когда вышла в свет работа С.Н. Замятина, накоплен новый обширный материал, который позволяет вернуться к поставленной в ней проблеме.

Это относится и к Китаю, причем китайские материалы имеют особо важное значение, поскольку дискуссия о двух путях развития нижнепалеолитической

¹ *Bordes Francois*. *Typologie du Paleolithique Ancien et Mouen*. – «Publications de l'Institut de Prehistoire de l'Universite de Bordeaux», 1961, tabl. 9. См. также рисунки на табл. 61, 2, 6, 7; табл. 62, 2–4 во второй части этой работы Фр. Борда (*planches*), изданной в том же 1961 г.

² *Замятнин С.Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. – «Труды Ин-та этнографии. Нов. сер.», 1951, вып. 16.

³ *Movius H.L.* *The Stone Age of Burma*. – «Transactions of the American Philosophical Society. New Ser.», 1943, v. 32, pt. 3; *Idem.* Early man and Pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia. – «Papers of the Peabody Museum», 1944, v. 19, № 3; *Idem.* The lower paleolithic cultures of Southern and Eastern Asia. Philadelphia, 1949.

культуры непосредственно опиралась на эти материалы. Вопросу о наличии в палеолите Китая бифасов – ручных рубил африкано-европейского типа – была посвящена и одна из статей В.Е. Ларичева, который сделал попытку рассмотреть все имеющиеся ныне в литературе факты, все документальные свидетельства.

Решающее значение для этой проблемы, по его мнению, имеют широко известные новые находки в Динцуне, более выразительные, чем в Кэхэ и Лантьяне.

Как пишет В.Е. Ларичев, «даже самый поздний из возможных этапов времени изготовления орудий Динцуня (ранняя пора верхнего плейстоцена) оказывается достаточно древним, чтобы сравнивать наиболее выразительные инструменты коллекций с финально-ашельскими комплексами Запада. Сопоставление показывает, что культура Динцуня окончательно развенчивает концепцию Х.Л. Мовиуса. Поэтому ни его апелляция к патжитанской культуре как исходной для палеолита Динцуня, ни туманные рассуждения некоторых археологов о некоей загадочной специфике динцуньских изделий, вследствие чего их будто бы следует рассматривать как явление своеобразное и не укладывающееся в рамки западной типологии, не могут спасти положения. Динцуньский комплекс палеолита во всех определяющих чертах имеет, напротив, бесспорный и ярко выраженный западный облик, свидетельствующий, с одной стороны, о продолжении традиций, заложенных в культуре ранней поры среднего плейстоцена, с другой – о непрекращающихся контактах восточноазиатского палеолита с западным ареалом культур. Оправданность такого вывода подтверждается преобладанием леваллуазской техники обработки камня, классическими по типологической выразительности остроконечниками и скреблами, а также, что особенно важно, серией двусторонне обработанных рубящих орудий, являющихся типичными рубилами.

Последние представляют собой образцы высокоразвитой техники двусторонней оббивки. Лучшее, чем в Лантьяне и Кэхэ, качество сырья, возросшее техническое мастерство привели к появлению строго выдержанных и совершенных по форме бифасов (рис. 1, 1–4; рис. 2, 2). Среди них встречаются миндалевидные, овальные и подтреугольные с приостренным рабочим концом. Фасетки сколов, оформляющих инструменты, обширные, но достаточно глубокие. По краям иногда прослеживается дополнительная подправка мелкой ретушью. Боковая грань при взгляде сбоку часто имеет характерный S-образный изгиб. Часть рубил, а также кливеров массивна, но встречаются и уплощенные, отличающиеся изяществом и плавностью очертаний. Окажись динцуньские рубила в коллекции европейского, африканского или ближневосточного нижнепалеолитического стоябища, они отнюдь не выглядели бы чужеродным и бросающимся в глаза элементом»¹.

Однако, оценивая представленные В.Е. Ларичевым сведения, нельзя не учитывать того обстоятельства, что бифасы из палеолита Китая известны нам только по публикациям. Самих изделий нам еще не приходилось держать в руках, а изданные иллюстрации, особенно штриховые, – источник особого рода. Не всегда

¹ Ларичев В.Е. Открытие рубил на территории Восточной Азии и проблема локальных культур нижнего палеолита. – В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 29.

можно быть уверенным в том, что они дают абсолютно точное представление о характере изделий.

Публикации, в том числе на китайском языке, тоже не содержат полной информации об условиях обнаружения этих вещей. Монографического описания этих памятников пока еще в нашем распоряжении нет. Это обстоятельство заставляет сдержанно относиться к широким общим выводам, которые могут следовать из них.

Вместе с тем даже и те немногочисленные иллюстрации в статье В.Е. Ларичева, где представлены бифасы из Китая, не дают возможности столь категорически утверждать, что они являются полной аналогией западным рубилам ашельских типов. Самые характерные из всей серии изделия, обнаруженные в Динцуне (у В.Е. Ларичева на с. 28, рис. 2, 2–4), выглядят по своим очертаниям необычно для европейских образцов.

В их очертаниях нет ничего, что полностью сближало бы эти вещи с привычными для нашего глаза западными рубилами сердцевидного, треугольного и амигдалоидного типа. Они имеют такие резко суженные тонкие и длинные острые концы, какие не характерны для европейских рубил ашельского типа. Это их специфическая черта. Лучше назвать их не рубилами, а остроконечниками. В таблицах В.Е. Ларичева отсутствует изображение поперечного сечения самого характерного динцуньского бифаса (на рис. 2, 3). Нам довелось во время посещения замечательного музея, созданного профессором Сугихара, университета Мэй-ази в Токио держать в руках муляж этого предмета. Можно было убедиться, что в поперечнике он имеет вид асимметричного треугольника. У западных же рубил в поперечном сечении мы видим симметричную двояковыпуклую линзу. И эта черта динцуньского «рубилы» еще более подтверждает мысль, что перед нами не ашельское по типу рубило, а остроконечник, может быть, массивный нож.

Ближе к западным образцам изделие, данное в статье В.Е. Ларичева на рис. 2, 5а, б.

Но здесь бифас, хотя и овальный по очертаниям в плане, резко отличается от них по своему продольному профилю и в поперечнике. Он значительно тоньше, чем массивные классические бифасы Европы. И только лишь с большой натяжкой можно было согласиться и с С.Н. Замятниным, когда он в качестве настоящего ашельского бифаса из Китая приводил рисунок «рубилы» из местонахождения 13 Чжоукоудяня (у В.Е. Ларичева он повторен на рис. 3, 2а, б). У этого предмета большая часть покрыта галечной коркой, а обработке подвергнут с двух сторон лишь один край. С таким же правом и даже с большим это изделие можно было бы назвать не рубилом, а галечным скреблом. Или в лучшем случае – однолезвийным остроконечником. Нужно удивляться, что такой тонкий знаток морфологии палеолитических орудий, каким был покойный исследователь, мог сделать этот предмет основой для своих общих выводов. Единственное объяснение – крайняя полемическая увлеченность именно этими, заранее сформулированными общими идеями.

Нельзя согласиться и с тем, что к числу классических европейских рубил можно отнести «рубилы» из Кэхэ (у В.Е. Ларичева на с. 29, рис. 3, 3а–в).

Это явно незаконченное изделие, простая заготовка, а не рубило определенной формы. Трудности, связанные с проблемой рубил в палеолите Китая, увеличиваются еще тем, что, как справедливо писал В.Е. Ларичев:

«Самым удивительным в свете материалов из местонахождения 13 Чжоукоудяня, Ланьтяня и Кэхэ является отсутствие в индустрии синантропа двусторонне обработанных орудий типа рубил или кливеров. Если не принимать во внимание загадочное упоминание А. Брейля о рассыпавшихся при извлечении из очажного горизонта изделий, возможно, близких рубилам, то среди многих десятков тысяч разнообразных камней со следами обработки, обнаруженных при раскопках Чжоукоудяня, не оказалось ни одного близкого по облику рубящим инструментам Запада»¹.

«...Отсутствие двусторонне обработанных изделий в эпоху средней поры среднего плейстоцена, – продолжает он, – кажется особенно странным после открытий в Динцуне»².

Пытаясь дать рациональное объяснение этому факту, В.Е. Ларичев пишет далее:

«В этой связи особенно загадочными представляются особенности индустрии синантропа: что это – отсталая культура, сосуществовавшая на востоке Азии с культурой рубил, или свидетельство неожиданного регресса ее из-за изолированности в период средней поры среднего плейстоцена, после чего пришлось все начинать сначала и снова “изобретать” рубила на стадии, представленной местонахождением 15 Чжоукоудяня? Нельзя ли, питая пристрастие к миграционным комбинациям, связать с культурой Динцунь очередную волну переселений с Запада тех, кто имел рубила? Ответить на эти вопросы нелегко, ибо ни в одном из памятников, синхронных пещере синантропа, рубил не найдено, но нет и уверенности, что их действительно не было, поскольку сборы были случайными, а количество найденных орудий – ничтожно, чтобы на их основе строить выводы»³.

В своей статье В.Е. Ларичев отмечает далее относительно материалов из Чжоукоудяня, что даже в этом случае не изданы должным образом найденные там каменные изделия:

«Из громадной коллекции каменных изделий до сих пор опубликована лишь самая незначительная часть. К тому же представление о типологии инструментов синантропа до сих пор остается, как это ни прискорбно, на уровне начала 30-х гг., когда Пэй Вэнь-чжун и П. Тейяр де Шарден впервые опубликовали наиболее выразительные изделия. Следует вспомнить и то, что пещера синантропа раскапывалась вначале без учета возможности открытия обработанных камней, поскольку синантроп считался слишком архаическим гоминоидом, чтобы предполагать использование им орудий. Поэтому, очевидно, множество камней, не вызывающих воспоминаний о классических образцах нижнепалеолитических

¹ Ларичев В.Е. Указ. соч. с. 30.

² Там же.

³ Там же, с. 33.

изделий Европы и часто имеющих из-за качества сырья сомнительные признаки искусственной обработки, просто-напросто отправлялись в отвал. Так случилось, в частности, при раскопках О. Зданского и Б. Болина в 20-е гг.»¹.

Но не то же ли самое следует сказать о состоянии всех тех публикаций по палеолиту Китая, из которых В.Е. Ларичев стремился извлечь данные для обоснования своих тезисов? Исследователем проделана, бесспорно, упорная и даже самоотверженная работа, поднята масса проблем. Но остается повторить только что цитированные слова: «количество найденных орудий (т.е. рубил) ничтожно, чтобы на их основе строить выводы».

Утверждение же о наличии в известном нам материале по палеолиту Китая ручных рубил западного облика не подтверждается фактами. В.Е. Ларичев настроен против «туманных рассуждений некоторых археологов», которые говорят «о некоей загадочной специфике динцуньских изделий», не соглашается видеть в них «явление своеобразное и не укладывающееся в рамки западной типологии». Однако такая специфика – факт.

Что же касается «западной типологии», то и на самом деле, как это станет ясным, если попробовать найти динцуньским вещам место, например, в типологии Фр. Борда, там нет таких аналогий. Остается только положение о наличии в Китае бифасов и некотором общем соответствии их западным эталонам, при определенном и бесспорном своеобразии бифасов Восточной Азии.

Эти уточнения, необходимые для правильной оценки имеющегося материала по палеолиту Китая и тех широких общих выводов, которые с ним связаны в литературе, не умаляют, конечно, значительности самого факта наличия в очень древних отложениях Восточной Азии бифасов, хотя и не «классических» для Запада.

Тем более, что древние бифасы обнаружены за последние годы Советско-монгольской культурно-исторической экспедицией на востоке Монгольской Народной Республики.

Они выявлены нами в двух районах: первый – на юго-востоке Монголии в местности Ярх, к западу от Сайн-Шанда, между Сайхан-Дуланом и Гурбан-Сайханом.

Здесь, на большой площади, где имеются выходы хорошего материала, изверженной породы типа желтой яшмы, автором статьи и сотрудниками экспедиции собрана серия превосходно выраженных бифасов. Это двусторонне обработанные массивные орудия.

Там же встречены относительно немногочисленные нуклеусы, которые можно назвать протолеваллуазскими. Найдено множество отщепов, редкие пластины леваллуазского облика. Второе местонахождение с бифасами древних форм и дисковидными нуклеусами обнаружено нами в районе Мандал-Гоби².

¹ Там же, с. 30.

² *Okladnikov A.P. Decouverte du Paleolithique Inferieur en Sibirie et en Mongolie. – «Inter-Nord», Paris, 1972, N 12, December, p. 191–206; Окладников А.П. Палеолит Монголии (к истории первоначального освоения человеком Центральной Азии). – В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973 г.) (доклады*

Монгольские бифасы, правда, не сопровождаются фауной. Они происходят из поверхностных сборов, а не из геологически датированных отложений.

Но они представляют собой часть определенных вещевых комплексов. Имеют четко выраженные морфологические признаки, не оставляющие сомнения в их древности и близости европейским бифасам, хотя и для них характерны специфические особенности.

В целом новые материалы по палеолиту Восточной (Китай) и Центральной Азии (Монголия), по бифасам, создают своего рода фон для нашей богородской находки.

Богородское рубило ашельского облика представляется на этом широком фоне не случайным, а закономерным явлением. Оно свидетельствует о неожиданном по глубине древности освоении человеком еще на ступени архантропа обширной территории советского Дальнего Востока в эпоху среднего плейстоцена.

Самое замечательное в нем то, что, как показано выше, по своей форме и технике оно на всем рассматриваемом пространстве, от Китая и до пустыни Гоби, всего ближе к тем классическим образцам западных рубил, с которыми исследователи, начиная с С.Н. Замятина и кончая В.Е. Ларичевым, стремились связать азиатские изделия такого рода.

Следует отметить еще одно обстоятельство, важное для определения более широкой исторической закономерности развития палеолитической техники и культуры в Азии – Северной и Центральной.

Аббевилиенская техника изготовления крупных каменных орудий типа ручных рубил тесным образом связана с леваллуазской техникой оформления нуклеусов и пластин.

Техника леваллуа вырастает на той же почве, которая дала аббевилиенскую технику, и она закономерно сменяет последнюю в конце нижнего палеолита и в среднем палеолите.

Вторым важнейшим фактом начальной истории человека в тех же районах Восточной Азии (Монголии) и советского Дальнего Востока, где обнаружены ручные рубила, о которых шла речь выше, является широкое распространение именно этой леваллуазской техники. Последняя представлена при современном положении дела даже еще шире, чем находки рубил. Это – Алтай (пещеры Страшная, Денисовская), поселения открытого типа на том же Алтае и в Забайкалье (Варварина Гора, Титовская Сопка и др.).

Особо следует рассматривать накопившийся новый материал по галечной технике и связанные с ним проблемы. Во всяком случае, тот факт, что поселения с подобными находками известны нам теперь в Монголии, на Амуре, наконец, на Алтае (Улалинка), свидетельствует как о раннем возникновении этой техники в Северной и Центральной Азии, так и о длительном ее существовании.

Таковы мысли относительно новой находки ручного рубила на Нижнем Амуре у с. Богородского.